

Лодка его легка

■ Наталья ЗИМЯНИНА

Если бы в Москву приехал относительно новенький тенор Аланья, может быть, случилось бы что-нибудь сверхестественное. Но Каррераса мы знаем так хорошо! Это свое, уже родное чудо. И на Красной площади он первый бесстрашно пел в начале 90-х, и с опасной лохматой Сарой Брайтман (которая из «Кошек») в Большом театре выглядел лордом. И даже в Кремлевском дворце удался ему Верди. А шесть лет назад в РХТУ им. Менделеева ему вручили мантию и шапочку почетного доктора химии (начинал как химик). Кто скажет, что «Вечерка» не следит за любимым певцом?!

Обживает потихоньку Светлановский зал Дома музыки. Ну, в фойе, как обычно, витал смешанный аромат севрюги с шампанским под музыку Вивальди. Много звучало испанской речи. С ВИПами оказалось жидковато: телекамеры поймали одного Костикова, да и про того тайком спрашивали – а он кто? И получали ответ: не то он что-то в Ватикане, не то его кто-то...

На самом деле Костиков на плохие концерты не ходит. Нынешний отличался тем, что звучала почти сплошь испанская традиционная музыка, немного итальянской и еще «Был у Христа-младенца сад» Чайковского на французском почему-то языке. Каррерас – артист и певец безукоризненный (ни одной фальшивой ноты за весь концерт), и первое отделение прошло даже скучновато, заакадемизированно.

Но вот в начале второго он попросил помянуть минутой молчания накануне умершего певца Николая Гяурова. Тихина воцарилась страшная, как в реанимации. После чего в душе Каррераса, видимо, что-то дрогнуло – и музыка полилась совсем иначе. Пел великий тенор, будто наступая на пустынь, безвременье, безмолвие. Голос у него в прекрасной форме, и все эти

ФОТО ИТАР-ТАСС

пробивающие глухоту слова вроде «эспаньоль», «андалусия», «аморе» сопровождался давно ожидаемыми выбросами энергии.

Жаль, что ни черта больше непонятно было. Ну, что такое Андалусия, догадаться можно. А вот Гуаппария – это девушка, птичка или рыбка? Нет, переоценил, конечно, Каррерас нашу испанизацию.

Истомившийся в неведении зал потому так бешено отреагировал на «Вернись в Сорренто» и «Санта Лючию», которую раньше даже в школах проходили: «Лодка моя легка, весла большие...» Эх, кабы нам тенорочка-то настоящего в Россию хоть на одну десятую Каррераса! То-то бы зажили, запели...

Бер. Москва – 2004 – Чижов – с. 7